Владимир Мухин, Денис Давыдов, Наталия Федорова

Репрессии, экономическое давление и стратегии выживания: православное духовенство Казанской епархии в 1930-е гг.

DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2018-36-3-102-120

Vladimir Mukhin, Denis Davydov, Natalia Fedorova

Repressions, Economic Pressure and Survival Strategies of the Orthodox Clergy in Kazan Diocese in the 1930s

Vladimir Mukhin — Parish of Archangel Michael, Ametevo Settlement, Kazan (Russia). 89047655581@mail.ru

Denis Davydov — Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev-KAI (Russia). davdv@mail.ru

Natalia Fedorova — Kazan Federal University (Russia). nfjodoro@yandex.ru

The article explores the conditions of life and activities of Orthodox clergy of the Kazan diocese, primarily in the city of Kazan and some Kazan suburbs, in the 1930s. Drawing upon published and archival sources, various forms of state pressure on the clergy are illustrated: "labor duties", identifying the lishentsy *(disenfranchised citizens) by Komsomol "activists", raising tax pressure; and all other instruments with the main goal of eliminating the impact of Church institutions in society. The article further considers various ways used by the clergy for adapting to the situation of constant pressure, as well as forms of assistance to the clergy by the believers. The article assesses the effectiveness of the repressive social and economic measures of the state: it seems that the state achieved only tactical, but by no means the final goals. Even with a significant reduction in their numbers, the clergy was not squeezed out completely of the society. The remaining priests were able to adapt to the new realities and to maintain a certain influence.*

Мухин В., Давыдов Д., Федорова Н. Репрессии, экономическое давление и стратегии выживания: православное духовенство Казанской епархии в 1930-е гг. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. № 3. С. 102–120.

Mukhin, Vladimir, Davydov, Denis, Fedorova, Natalia (2018) "Repressions, Economic Pressure and Survival Strategies of the Orthodox Clergy in Kazan Diocese in the 1930s", *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 36(3): 102–120.

Keywords: Orthodox clergy, Kazan diocese, communities, anti-Church policy, the Tatar Republic, social and economic policy, religious communities, repressions.

ПРОБЛЕМАТИКА взаимоотношений церкви и советского государства за последние десятилетия прочно утвердилась в исследовательской практике. Тысячелетие крещения Руси дало мощный импульс разработке многих не исследованных ранее вопросов, что нашло свое отражение как в поздних советских изданиях[1], так и в трудах, появившихся после распада СССР[2]. Актуальность вопросов взаимоотношения религии и власти подчеркивается в трудах церковных авторов[3], а также зарубежных исследователей, фокусирующих внимание на изучении репрессивных мер государства в общем контексте осуществления антирелигиозной политики[4].

Несмотря на пристальное внимание исследователей к специфике реализации экономических мероприятий советского правительства[5], связь между конфессиональной политикой и хозяйственными преобразованиями в СССР очерчивается лишь контурно. Между тем, реализация марксистской доктрины в построении экономической модели, отвергающей механизмы свободного рынка, существенно отразилась не только на деформации хозяйственной жизни государства, но и на изменении его

1. *Клеандрова В.М.* Из истории взаимоотношений государства и церкви в России // Вопросы научного атеизма. М.: Мысль, 1988. Вып. 37. С. 152–163; Русское Православие: вехи истории / Под. ред. А.И. Калибанова. М.: Политиздат, 1989 и др.
2. *Одинцов М.И.* Государство и церковь в России. XX век. М.: Луч, 1994; *Крапивин М.Ю.* Непридуманная церковная история: власть и церковь в Советской России (октябрь 1917 — конец 1930-х гг.). Волгоград: Перемена, 1997 и др.
3. *Степанов (Русак) В.С.* Свидетельство обвинения. М.: Русское книгоиздательское товарищество, 1993; *Платон (Игумнов), архимандрит.* Миссия Церкви в прошлом и настоящем и ее место в гражданском обществе // Миссионерское Обозрение. 1998. № 7. С. 6–10 и др.
4. Luukkanen, A. (1997) *The Religious Policy of the Stalinist State: A Case Study: The Central Standing Commission on Religious Questions, 1929–1938*. Helsinki: Suomen Historiallinen Seura; Peris, D. (1998) *Storming the Heavens: The Soviet League of the Militant Godless*. N.-Y.: Cornel University Press.
5. *Сафонова Е.И., Бородкин Л.И.* Мотивация труда на фабрике «Трехгорная мануфактура» в первые годы Советской власти // Историко-экономические исследования. 2002. № 1. С. 55–87; *Бородкин Л. И., Эртц С.* Структура и стимулирование принудительного труда в ГУЛАГе: Норильлаг, конец 30-х — начало 50-х гг. // Экономическая история: Ежегодник. 2003. М.: РОССПЭН, 2004. С. 177–233 и др.

социальной структуры, затронув в первую очередь «эксплуататорские» классы. Советский опыт *экономического* воздействия на духовенство еще недостаточно изучен. Остаются малоизученными повседневные практики выживания служителей церкви в условиях активной антирелигиозной политики советской власти. Как следствие, своих исследователей ожидает проблема трансформации социально-экономического статуса духовенства в условиях «построения основ социализма». Мы постараемся отчасти восполнить эти пробелы в исследованиях.

Территориальные рамки статьи ограничиваются Казанью, однако для более объемного показа привлечен материал некоторых слобод и сел, входивших в Казанскую епархию. Региональный подход не претендует на выявление каких-то новых тенденций, но позволяет раскрыть повседневные практики выживания в определенных исторических обстоятельствах. Хронологические рамки рассматриваемой проблемы можно очертить двумя значимыми событиями. Начальной границей мы считаем принятие Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях», определившего основы взаимоотношений государства и церкви практически на весь период существования советской власти. Конечная дата связана с ликвидацией Культкомиссии при Президиуме ВЦИК — ЦИК СССР 16 апреля 1938 г., что означало формальное завершение политики активного наступления на церковь.

Характеризуя источники, необходимо, в первую очередь, обратиться к упомянутому выше документу — Постановлению ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях», которое жестко регламентировало деятельность религиозных общин, не давая им прав юридического лица, запрещая сделки, имеющие «торговые и промышленные цели», оказание материальной поддержки своим членам, аренду помещений, серьезно ограничивая распоряжение церковным имуществом, которое переходило под контроль местных органов власти[6]. Появление этого постановления серьезно подрывало экономическую основу существования церкви.

Обращение к группе делопроизводственных документов дает возможность проследить конкретные механизмы реализации антирелигиозной политики. Весьма информативны источники

6. Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР. Т. 2: 1929–1939. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1959. С. 32, 34, 35.

личного происхождения, отразившие различные практики повседневного выживания духовенства и верующего населения. По ним можно проследить и стремление облегчить участь рядовых священников со стороны церковных иерархов или религиозных общин и поиск путей улучшения собственной жизни верующих граждан, а также священнослужителей. Собранный комплекс источников, во многом отразивших личные мотивы их создателей, тем не менее, достаточно информативен и в высокой степени достоверен. Этот вывод мы делаем исходя из изучения истории создания и хранения имеющихся в нашем распоряжении документов.

Советское правительство отождествляло церковь со свергнутым режимом, деятельность которого направлялась исключительно интересами эксплуатации трудящихся масс[7]. Для окончательного перехода общества к социализму, в соответствии с философией марксизма, предполагалось ликвидировать экономический базис церкви. Отсюда вытекала необходимость применения к духовенству жестких социально-экономических мер. Одной из них стало причисление священнослужителей к категории «лишенцев». Лишение избирательного права серьезно отражалось на социально-экономическом статусе «неполноправных граждан»: их не принимали в учебные заведения, им было сложно устроиться на работу, а устроившись, получать достойную заработную плату. Недосягаемыми для «лишенца» становились пенсия и пособия, карточки и иные меры социальной защиты[8].

Ужесточая свой социально-экономического курс, советское руководство в 1930–1931 гг. стало активно привлекать «лишенцев», в том числе и священнослужителей, к выполнению *трудгужповинности* — обязательству для владельцев упряжных животных поставлять их для перевозки различных грузов. Секретное правительственное постановление предписывало «лишенцев» «отправлять на лесозаготовки, торфоразработки, на уборку снега, и только в такие места, где испытывают острую нехватку рабо-

7. См: *Ленин В.И.* Социализм и религия / Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1968. Т. 12. С. 142–147; *Сталин И.В.* Беседа с первой американской рабочей делегацией // Соч. Т. 10. М.: ОГИЗ, 1949. С. 92–148 *и др.*

8. См.: *Федорова Н.А.* Лишение избирательных прав как инструмент социальной политики // Государственная и муниципальная служба: история и современность (проблемы кадровой политики). Казань: Центр инновационных технологий, 2007. С. 194–203.

чей силы»[9]. Реализация принципа «кто не работает, тот не ест» оказалась направлена на отрыв священников от паствы и подрыв основ их материального достатка. В соответствии с постановлением, опубликованным в газете «Красная Татария»[10], мобилизации на трудгужповинность подлежало все духовенство, в том числе и заштатное. В частности, священник Троицкой церкви слободы Восстания Николай Евтропов 12 августа 1930 г. был мобилизован и отправлен на Васильевский лесозавод, где и работал по ноябрь того же года[11]. Настоятель казанского Петропавловского собора протоиерей А.В. Лебедев с 16 августа по 22 ноября 1930 г. непрерывно работал на Волгоразгрузе, с 25 ноября 1930 г. по март 1931 г. в СевВостлесе. В своем заявлении, направленном в Центральный исполнительный комитет ТАССР (далее — ТатЦИК), он просил освобождения от повинности вне города Казани, чтобы иметь возможность совмещать работу с исполнением обязанностей настоятеля. Учитывая, что работа в СевВостлесе заканчивалась, от повинности он был освобожден[12]. Работы по трудгужповинности оплачивались. Однако размеры оплаты не позволяли даже частично покрывать текущие расходы, и тем более рассчитываться с финансовыми органами. Каким образом, например, священнику Н. Евтропову, получавшему за работу на Васильевском лесозаводе 1 р. 56 коп. в день и обложенному налогом в 165 рублей[13], было возможно прокормить себя, содержать семью, лечить простуженные руки и произвести расчет по налогам? При таком доходе только для расчета с финорганами он должен был проработать без перерыва 106 дней, не тратя ни копейки.

На помощь приходили верующие. Ходатайство Пятницкой церкви г. Казани в ТатЦИК от 17 ноября 1930 г. сообщает следующее:

9. *Кринко Е.Ф.* Репрессии «по закону»: лишение избирательных прав советских граждан // Известия Коми научного центра УРО РАН. Сыктывкар, 2011. № 3(7). С. 84.
10. Красная Татария № 50 (3930) от 28 февраля 1931 г.
11. Заявление священника Николая Евтропова в ТЦИК от 18 ноября 1930 г. (рукопись на русском языке; место хранения: Национальный архив Республики Татарстан (далее — НА РТ), Ф. Р-732. оп. 6. № 41), л. 87.
12. Заявление священника Лебедева в ТЦИК (рукопись на русском языке; место хранения: НА РТ Ф. Р-732. оп. 6. № 41), л. 26; Справка, выданная Секретариатом ТЦИКа от 5 марта 1931г. об освобождении от повинности (рукопись на русском языке; место хранения: НА РТ Ф. Р-732. Оп. 6. №. 41), л. 29.
13. Заявление священника Николая Евтропова в ТЦИК от 18 ноября 1930г. (рукопись на русском языке; место хранения: НА РТ Ф. Р-732. оп. 6. №. 41), л. 87.

> Отбывание трудовой повинности очень тяжко отразилось на экономическом положении священника Троицкого. Он лишен единственного источника средств от служения при Пятницком храме, так как совершение треб и служб прекратилось, а за одни службы в воскресные дни получает ничтожные средства, совсем недостаточные для пропитания семьи в 7 человек, которые нетрудоспособны по малолетству; заработка же на заводе 1 р. 30 коп. за 10-часовой день еле хватает одному человеку на лапти или хлеб, так как и его приходится покупать на частном рынке...[14]

Сохранилось обращение в ТатЦИК членов Кирилло-Мефодиевской обновленческой общины от 12 марта 1931 г. с просьбой об освобождении «единственного при общине» священника Катагощина[15]. Он был мобилизован на трудповинность по лесозаготовкам, невзирая на непригодность его к физическому труду согласно заключению врачебной экспертизы Наркомздрава ТАССР[16]. Принимая к сведению наличие справки о состоянии здоровья, ТатЦИК освободил священника, однако произошло это только через пять дней, когда основной объем работ был выполнен[17]. Несколько удачнее сложилась ситуация с освобождением настоятеля Ивановской религиозной общины. К ходатайству от 10 марта 1931 г., направленному в Административный отдел ТатЦИКа, был приложен лист с 40 подписями[18]. Вполне возможно, что это ускорило рассмотрение вопроса с последующим освобождением священника Булавко[19]. Стремление облегчить участь священников прослеживалось и со стороны руководства Казанской епархией. В марте 1931 г. архиепископ Казанский Афанасий (Малинин) обратился в секретариат ТатЦИК с прось-

14. Ходатайство общины Пятницкой церкви в ТатЦИК от 10 марта 1931 г. (рукопись на русском языке; место хранения: НА РТ Ф. Р-732. оп. 6. № 41), л. 33.
15. Ходатайство Кирилло-Мефодиевской общины в ТЦИК (рукопись на русском языке; место хранения: НА РТ Ф. Р-732. оп. 6. № 41), л. 38.
16. Там же.
17. Справка об освобождении от повинности священника Катагощина, выдана Секретариатом ТЦИК 17 марта 1931 г. (рукопись на русском языке; место хранения: НА РТ Ф.Р-732. оп. 6. № 41), л. 39.
18. Заявление в Административный отдел ТатЦИКа обновленческой религиозной общины Иоанно-Предтеченской церкви г. Казани (рукопись на русском языке; место хранения: НА РТ Ф. Р-732. оп. 6. № 41), л. 43.
19. Справка об освобождении от повинности священника Булавко, выдана Секретариатом ТЦИК 14 марта 1931 г. (рукопись на русском языке; место хранения: НА РТ Ф. Р-732. оп. 6. № 41), л. 45.

бой освободить хотя бы часть священников на время Великого поста от участия в лесозаготовках[20]. По словам архиерея, значительная часть казанского духовенства привлекается к указанным работам, «вследствие чего создается большая затруднительность в удовлетворении религиозных потребностей»[21].

Однако практика заступничества за священнослужителей осуществлялась далеко не повсеместно. Нередко граждане оказывались невольными свидетелями следующих сцен. Как вспоминает старейшая прихожанка казанского Петропавловского собора Аполлинария Александровна Крылова, стоит очередь за хлебом, подходят комсомольцы: «Граждане, среди вас находятся “лишенцы” (назывались фамилии), хлеб отпускаться не будет, пока они не выйдут». Стоявшие по нескольку часов люди уходили из очереди ни с чем. Аналогичным образом могли поступить и во время киносеансов. Активисты зачитывали список фамилий присутствовавших «лишенцев», из-за которых остальные теряли возможность досмотреть фильм. Социальные изгои покидали зал, и сеанс продолжался[22]. Подчеркнем, что этим мерам подвергались не только лица, лишенные избирательных прав, но и члены их семей, которые у священников часто бывали многодетные.

Государство вносило раскол в целостность семейных отношений духовенства. Например, на специальном антирелигиозном совещании в Татарском обкоме ВКП(б), проведенном в 1931 г., было отмечено: «В практике вербовки в наши школы мы за последние годы особенно ставили рогатки для проникновения в школы детей духовенства»[23]. Детей уже со школьного возраста подталкивали к тому, чтобы они видели в своих родителях препятствие для полноценной жизни в обществе. В подобной ситуации оказывались и студенты. Газета «Красная Татария» в январе 1930 г. сообщала: «...Принимаются особые решения с требованием удалить из учебных заведений таких-то и таких-то детей попов, которым не место в советском вузе»[24]. В таких условиях во-

20. Обращение в Секретариат ТЦИКа Архиепископа Казанского Афанасия Малинина об освобождении части духовенства от 2 марта 1931 г. (рукопись на русском языке; место хранения: НА РТ Ф. Р-732. оп. 6. № 41), л. 13.

21. Там же.

22. Воспоминания А.А. Крыловой // Рукопись на русском языке; место хранения: личный архив В.Н. Мухина.

23. Антирелигиозное совещание при ОК ВКП (б) от 4.02.31. (рукопись на русском языке; место хранения: НА РТ Ф. Ф. 5263. оп. 1. № 62), л. 52.

24. Красная Татария. № 7 (3583) от 10 января 1930 г.

прос становился ребром — или пребывание в числе изгоев, или разрыв с семьей.

Священнослужители продолжали выступать в традиционной роли пастыря в своих приходах, с другой стороны, в меняющихся социально-экономических реалиях их положение становилось все более неопределенным. Нередко информация на эту тему засекречивалась и хранилась в архивных материалах под грифом «не подлежит оглашению»[25]. Тем не менее, некоторые сведения о доходах священнослужителей можно почерпнуть из данных районных финансовых отделов Казани. Согласно этим сведениям, годовой доход Казанского архиепископа Никона (Пурлевского Николая Александровича) в 1937 г. составил 5 тысяч 100 рублей. На эту сумму был начислен подоходный налог в размере 1056 рублей и комиссионный сбор в размере 918 р.[26]. Отсюда, чистый годовой доход архиерея составил 3126 руб. или немногим более 260 руб. в месяц. Однако такой уровень дохода не был типичным для духовенства. В частности, годовой доход священника Сергея Зайцева за тот же период составил 2501 рубль (налог 245 руб. + 400 руб. комиссионный сбор), Василия Васильева — 1960 рублей (126 и 219 соответственно)[27]. Соответственно, их среднемесячный заработок составил около 145 рублей. В то же время руководитель Совета Союза воинствующих безбожников ежемесячно получал 400 руб., инструкторы и бухгалтер по 250 руб., машинистка — 150 руб.[28] Реальную покупательную способность можно оценить исходя из сведений о ценах на продукты питания в Казани. По официальным данным, в сентябре 1937 г. на рынках города пшеничная мука стоила 2 руб./кг, ржаная — 1,4 руб./кг, мед — 7 руб./кг, говядина — 12 руб./кг, яйца — 4,5 руб./десяток, молоко — 1,4 руб./литр[29].

Для пополнения бюджета можно было служить панихиды на могилах в дни особого поминовения почивших, однако количе-

25. Ответ Молотовского РФО Казанскому Гор ФО на запрос от 19 дек. 1937 г. (рукопись на русском языке; место хранения: НА РТ Ф. Р-732. оп. 6. № 70), л. 14.

26. Ответ Молотовского РФО Казанскому Гор ФО на запрос (рукопись на русском языке; место хранения: НА РТ Ф. Р-732. оп. 6. № 70), л.14.

27. Там же.

28. Штатное расписание Татарского Республиканского Совета СВБ (машинопись на русском языке; место хранения: НА РТ Ф. Ф. 5263. оп. 1. № 267), л. 13.

29. Статистические данные на сентябрь 1937 г. (рукопись на русском языке; место хранения: НА РТ Ф. Р-1299. оп. 17. № 219), лл. 20–22.

ство таких дней в году не было значительным — всего семь[30]. Кроме того, возможно было служение панихиды частным порядком в «годины» (т. е. в годовщины смерти). По этой причине в дневное время в обязанности кладбищенского духовенства входило дежурство, подразумевавшее отпевание приносимых покойников[31]. По воспоминаниям А.А. Крыловой, в 1933 г. наравне с кладбищенскими священниками очередность в дежурстве нес и епископ Ириней (Шульмин)[32]. Причин тому могло быть несколько: недостаток священников; необходимость их подмены из-за болезни или ареста; стремление пополнить свое содержание.

Для поддержания своего существования священнослужители порой совмещали службу с выполнением обязанностей псаломщика, а также со светской работой. Некоторые устаивались на работу на фабриках и заводах. При этом часто в церквах заработной платы они уже не получали[33]. Однако совмещать службу с иной деятельностью удавалось далеко не всегда. Для основной массы служителей культа доходы от службы являлись единственными для содержания больших семей.

В тяжелых условиях на помощь священнику нередко приходила паства. В 1930-е годы сохранялась практика содержания священнослужителя членами общины. Казанский протоиерей Борис Филипповский вспоминал, как в 1938 г., когда в Казани были закрыты практически все церкви и его многодетная семья осталась без средств к пропитанию, он молился перед иконой святителя Николая Чудотворца о помощи. В тот же день семье священника на помощь пришли верующие, «и с этого времени, — пишет Б. Филипповский, — благодаря Богу и добрым людям мы не голодали»[34]. Собрание членов общины закрываемой Смоленско-Димитриевской церкви Ягодной слободы постановило,

30. Только современный церковный календарь этот список дополнил еще двумя днями, установленными определениями Архиерейских Соборов РПЦ — в 1992 г. на 8 февраля (н.ст.) поминовение пострадавших в годину гонений за веру Христову и в 1994 г. поминовение усопших воинов на 9 мая (н.ст.).

31. Обращение Канцелярии казанского Епархиального Архиерея в ЦИК АТССР 13 июля 1933 г. (рукопись на русском языке; место хранения: НА РТ Ф. Р-732. оп. 6. № 68), л. 26.

32. Воспоминания А.А. Крыловой // Личный архив В.Н. Мухина. Публикуется с согласия В.Н. Мухина.

33. Ответ Молотовского РФО Казанскому Гор ФО на запрос (рукопись на русском языке; место хранения: НА РТ Ф. Р-732. оп. 6. № 70), л. 14.

34. Записки казанского протоиерея Бориса Филипповского. Казань: Изд-во КазДС, 2005.

что для удовлетворения религиозных нужд они будут обращаться к духовенству закрываемой церкви, «обеспечив их содержанием от добровольных сборов среди верующих общины»[35]. В то же время за деятельностью общин устанавливался особый контроль. В их обязанности, согласно Постановлению ВЦИК «О религиозных объединениях», входила коллективная ответственность за содержание национализированного имущества. Под этим понимались ремонт помещений, расходы по отоплению, страхованию, уплата налогов, возмещение ущерба при финансовой недостаче. Любые пожертвования должны были заноситься в приходно-расходную книгу, а приобретенное на пожертвования имущество — в имеющуюся опись. Финансы и имущество должны были предъявляться к проверке и осмотру. Любое нарушение грозило роспуском общины и закрытием храма[36]. В этих условиях сокрытие или преуменьшение доходов вряд ли было возможно. Большинство общин едва сводили концы с концами. Правящий архиерей Афанасий (Малинин) 23 января 1931 г. направил в Секретариат Центрального исполнительного комитета ТАССР (ТатЦИК) письмо о ликвидации семи казанских общин по причине их материальной несостоятельности. Предусматривался переход ликвидируемых общин в следующем порядке: Казанско-Богородицкой (бывш. монастырской) и Грузинской в Петропавловский собор, Владимирской и Ильинской в Успенский собор, Варлаамовской в Тихвинскую, Николо-Ляпуновской в Николо-Вешняковскую, и Матвеевской в церковь Арского кладбища[37]. В случаях роспуска общины священники оставались без средств к существованию. Характерно признание заштатного священника Ивана Порфирьевича Тимерчинского: нахожусь «совершенно без средств, так как не состою ни в каком приходе»[38].

Остающееся на службе духовенство продолжало привлекать интерес финансовых органов. Неуплата налогов становилась

35. Протокол общего собрания членов общины при Смоленско-Димитриевской церкви Ягодной слободы г. Казани от 16 февраля 1930 г. (рукопись на русском языке; место хранения: НА РТ Ф. Р-732. оп. 6. № 26Б), л. 375.

36. Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР. Т. 2. С. 35-36.

37. Сведения в Секретариат ТЦИКа, поданные Архиепископом Афанасием Малининым 23 января 1931 г. (рукопись на русском языке; место хранения: НА РТ Ф. Р-732. оп. 6. № 42), л. 133.

38. Заявление священника Ивана Порфирьевича Тимерчинского в ТЦИК от 21 марта 1931 г. (рукопись на русском языке; место хранения: НА РТ Ф. Р-732. оп. 6. № 41), л. 48.

серьезным основанием для административного и даже уголовного преследования. Так, священник села Кр. Челны за неуплату налогов был заключен под стражу[39]. Не менее строго обходились и с более высокими церковными иерархами, даже из числа лояльных власти обновленцев. Так, 24 февраля 1930 г. Казанское Епархиальное Управление (КЕУ)[40] обратилось в ТатЦИК с просьбой разобраться в деле архиепископа Мамадышского Василия (Троицкого), объявленного местными органами власти злостным неплательщиком налогов. У него были отобраны облачение и митра, которые были выданы ему казанскими обновленческими общинами, а затем — принадлежавшие ему лично крест и панагия. За неуплату налогов пригрозили тюремным сроком. По утверждению руководства КЕУ «предметы эти никакой ценности не представляют и потому комиссия, совершавшая опись имущества, не должна была отнимать их»[41]. Рассекреченная переписка между партийными инстанциями приводит к выводу, что подобнее факты не были случайным проявлением чьих-либо «перегибов». Напротив, они оказались вполне закономерным результатом страховой и налоговой политики в отношении служителей культа[42].

Таким образом, финансовые органы становились эффективным инструментом «выдавливания» церковных институтов из жизни общества. Казанский Горфинотдел обратился в Секретариат ТатЦИКа с просьбой расторгнуть договоры как со злостными неплательщиками государственных налогов и сборов с Покровской общиной, задолжавшей за 1929/30 и 1930/31 гг. сумму в 604 руб. 64 коп., и Иоанно-Предтеченской общиной за те же годы сумму в 167 руб. 47 коп. страховых платежей[43]. Судя по поставленной уже на третий день 30 января 1931 г. визе: «дано распоряжение о закрытии», делу довольно быстро дали ход. В даль-

39. Обращение в Культкомиссию Казанского областного Митрополитанского Управления 27 марта 1933 г. (рукопись на русском языке; место хранения: НА РТ Ф. Р-732. оп. 6. № 48), л. 24.

40. Административно-территориальное деление обновленцев.

41. Обращение в ТатЦИК Казанского Епархиального Управления от 24 февраля 1930 г. (рукопись на русском языке; место хранения: НА РТ Ф. Р-732. оп. 6. № 15), л. 44.

42. Переписка Уполнаркомзем СССР Суглицкий Наркомзему СССР Яковлеву от 1 апр. 1930 г. (рукопись на русском языке; место хранения: ЦГА ИПД РТ Ф. 15. оп. 2. № 803), л. 59.

43. Сообщение КазГорФО в Секретариат ТЦИКа от 27 января 1931 г. (рукопись на русском языке; место хранения: НА РТ Ф. Р-732. оп. 6. № 41), л. 3.

нейшем для достижения максимального эффекта Культкомиссия ТатЦИКа составила списки зарегистрированных священнослужителей г. Казани. В списке значилось, независимо от течений и конфессий, священников 23 чел., дьяконов 8 чел. и мусульманских служителей культа 8 чел.[44] В ходе реализации решений ТатЦИКа уже в 1937/38 гг. сотрудниками Казанского городского, а также районного финотдела было установлено, что ряд служителей не обложен подоходным налогом. Данный факт вызвал повышенный интерес у Культкомиссии. В ответе на ее запрос Молотовский районный финансовый отдел (РФО) дал ответ, что один из них служителем религиозного культа не работает, второй, совмещая работу по найму при Казанском винзаводе со службой в храме, платы не получает, а третий подоходным налогом обложен и комиссионный сбор с него взыскан. Последним оказался упомянутый выше Казанский архиепископ Никон (Пурлевский), налоги с которого были взяты в размере 38,7% от дохода[45].

Стремясь избежать административной и уголовной ответственности из-за неуплаты налогов, а также надеясь адаптироваться к новым условиям, некоторые священнослужители были вынуждены слагать сан. Немаловажную роль в этом, по мнению А.Ф. Степанова, сыграла политика «большого террора»[46]. В начале 1930-х годов процессу отказа от сана придавалась ярко выраженная публичность. Например, бывший священник Г. Симашев написал в газету «Трактор» письмо с заявлением: «Снимаю с себя позорный сан священника и вызываю других»[47]. Однако чаще отказ от сана был чисто формальным: например, на обороте справки о снятии с регистрации служителя культа гражданин Покровский Алексей Иванович просто расписался в получении[48]. Нередко в заявлениях отмечался факт отказа от сана вовсе

44. Список зарегистрированных служителей культа по г. Казани по состоянию на 1 мая 1937 г. (рукопись на русском языке; место хранения: НА РТ Ф. Р-732. оп. 6. № 70), л. 1.

45. Списки районных ФО служителей культа по районам Ленинскому, Бауманскому, Сталинскому, Молотовскому, Кировскому г. Казани (рукопись на русском языке; место хранения: НА РТ Ф. Р-732. оп. 6. № 70), лл. 3, 7, 8, 10, 12, 13, 14.

46. Степанов А.Ф. Расстрел по лимиту. Казань: Новое Знание, 1999. С. 86.

47. Письмо священника г. Симашева в газету «Трактор» от 3 ноября 1931 г. (рукопись на русском языке; место хранения: НА РТ Ф. Р-732. оп. 1. № 2176), л. 23а.

48. Справка о снятии с регистрации от 19 февраля 1937 г. (рукопись на русском языке; место хранения: НА РТ Ф. Р-732. оп. 6. № 70), л. 95.

без мотивации[49], однако интересно обратиться к формулировкам причин подобного поступка. Таковыми являлись стремление «возвратиться в первобытное состояние гражданина СССР»[50], намерения «заняться полезным для строящегося социалистического государства трудом»[51]. Возможно, этим выражалась надежда на содействие со стороны власти в дальнейшем трудоустройстве. Однако властные структуры игнорировали саму проблему социальной адаптации духовенства. При массовом обращении служителей культа в Культкомиссию при ТатЦИКе в Москву был сделан запрос с просьбой разъяснить порядок оформления снятия сана и изменения в паспорте профессии «служитель культа» на другую. Ответа не последовало[52].

Характерен случай добровольно оставившего в 1937 г. сан протодиакона казанской кладбищенской церкви Ивана Грекулова[53]. Мотивом своего поступка бывший священнослужитель указал демократичный характер конституции, «которая дала всем равные права и призывает вступать в ряды трудового народа»[54]. Назвав свое прежнее служение «очень доходным ремеслом»[55], Грекулов поступил на работу в вокально-хоровой коллектив Центрального клуба СРКЖС (Ленинград), руководство которого ходатайствовало о выдаче ему рекомендации для поступления в Ленинградскую консерваторию[56]. Однако, как свидетельствовал сам Грекулов в обращении в ТЦИК, невзирая на то, что уже как семь месяцев порваны все связи с прошлым, он так и не смог «своими силами к желаемому берегу прибиться»[57]. Обладание хорошими голосовыми данными и музыкальностью,

49. Там же. Л. 52.

50. Заявление о снятии сана свящ. Покровского от 14 фев. 1930 г. (рукопись на русском языке; место хранения: НА РТ Ф. 5852. оп. 1. № 727), л. 69.

51. Заявление о снятии сана диакона Померенцева от 10 апр. 1930 г. (рукопись на русском языке; место хранения: НА РТ Ф. 5852. оп. 1. № 726), л. 69.

52. Обращение ТЦИКа в Культкомиссию при ВЦИКе 15 дек. 1936 г. (рукопись на русском языке; место хранения: НА РТ Ф. Р-732. оп. 6. № 49), л. 185.

53. Справка о снятии с регистрации от 27 июля 1937 г. (рукопись на русском языке; место хранения: НА РТ Ф. Р-732. оп. 6. № 70), л. 42.

54. Там же. Л. 44.

55. Там же.

56. Обращение за характеристикой Центрального Клуба СРКЖС от 2 июля 1937 г. (рукопись на русском языке; место хранения: НА РТ Ф. Р-732. оп. 6. № 70), л. 42.

57. Там же. Л. 44.

по свидетельству артиста русской оперы В. Тихомирова, Грекулову не помогло[58].

Приспосабливаясь к внешним обстоятельствам, но не желая порывать с церковью, некоторые оставляли службу «по состоянию здоровья». Именно так поступил протоиерей П. Руфимский, который подал заявление в НКВД ТАССР о том, что с 4 января 1930 г. за слабостью здоровья службу оставляет[59]. Только за 1929 г. пять общин г. Казани покинули шесть человек, в 1930 г. из трех — ушли еще четыре человека, и это лишь те, кто подал письменное заявление (практиковался и устный вариант, преимущественно для неграмотных)[60]. Был еще один способ увольнения за штат — по старости[61]. Практиковался он по причине невозможности общины содержать духовенство с выплатой «напокойного содержания», т. е. пенсии. С уходом за штат священнослужитель совершенно лишался и без того небольшого дохода, но еще сохранял возможность возвращения к службе. Преимущество такой ситуации состояло в том, что налоговые органы не могли иметь претензий с обложением, а прихожане как могли поддерживали своего пастыря.

Анализируя причины появления подобных заявлений, в первую очередь необходимо осознавать всю сложность деятельности священнослужителя. Далеко не каждый в тяжелейших социально-экономических условиях мог организовать хозяйственную жизнь прихода таким образом, чтобы суметь содержать храмовое здание, вовремя рассчитываться по регулярно повышающимся налогам (земельным и за строение), своевременно оплачивать страховку и, хотя бы отчасти, содержать причт. При этом сохранялась высокая моральная ответственность перед прихожанами, а также материальная, а порой и уголовная, перед государственными структурами. Нельзя было забывать и о содержании семьи. Принимая решение о сложении обязанностей управления общиной, священник Григорьев мотивировал свой посту-

58. Там же. Л. 46.

59. Заявление в НКВД об уходе за штат П. Руфимского от 6 января 1930 г. (рукопись на русском языке; место хранения: НА РТ Ф. 5852. оп. 1. № 727), л. 65.

60. Сведения о состоянии Кирилло-Мефодиевской общины 22 июля 1928 г. (рукопись на русском языке; место хранения: НА РТ Ф. Р-732. оп. 6. № 11), л. 21.

61. Извещение Культкомиссии Митрополитом Казанским Серафимом о перемещениях духовенства в связи с ликвидацией Богоявленской общины от 21 ноября 1935 г. (рукопись на русском языке; место хранения: НА РТ Ф. Р-732. оп. 6. № 132), л. 16.

пок отсутствием возможности нести службу в сложных условиях: «как безработный работаю на частных поденных работах и приходится большинство работать по церковным праздничным дням, и так что совершенно нет свободного времени на обслуживание церкви»[62].

Принятие в 1936 г. «сталинской» Конституции не улучшило положение духовенства, хотя формально уравняло в правах всех советских граждан. Несмотря на провозглашение «свободы отправления религиозных культов», своего отношения к церкви государство не изменило. Как следствие, к 1936 году в Казанской епархии осталось всего 220 священников и 25 дьяконов (в т. ч. на псаломщицкой вакансии), псаломщиков на всю епархию осталось всего 6 человек[63]. По сравнению с 1929 г. численность православного духовенства сократилась почти в 3 раза.

Далее последовала эпоха «большого террора». Казанскую епархию возглавлял митрополит Казанский и Свияжский Серафим (Александров). В декабре 1936 г. он был арестован, в феврале 1937 г. постановлением Особого совещания НКВД приговорен к ссылке в Северный Казахстан, а 2 декабря 1937 г. расстрелян. Его место занял архиепископ Венедикт (Плотников). Однако и ему в Казани пришлось служить недолго[64]. 28 февраля 1937 г. архиерей был арестован и этапирован в Ленинград, где был привлечен к делу об организации «Союза русского народа». Итогом обвинений стал приговор к расстрелу, который был приведен в исполнение 16 августа 1937 г.[65] Таким образом, процесс либерализации законодательства на практике означал прелюдию к новым репрессиям. Так, например, лишь только в ходе «антикулацкой» операции, проведенной в Татарской республике в конце 1937 года, было арестовано 5362 человека, среди которых представителей духовенства (православного, мусульманского и сектантского) — 370 человек, из них 281 человек (76%) был приговорен к расстрелу[66].

62. Заявление Григорьева М.П. о снятии с членства в тройке исполнительного органа Димитриевской церкви по причине работы в церковные праздничные дни (рукопись на русском языке; место хранения: НА РТ Ф. Р-732. оп. 6. № 26Б), л. 363.

63. Сведения о священнослужителях в Культкомиссию ТЦИКа июнь 1936 г. (рукопись на русском языке; место хранения: НА РТ Ф. Р-732. оп. 6. № 49), л. 118.

64. *Липаков Е.В.* Архипастыри Казанские 1555–2007 // Храм Илии Пророка [http://www.ilynka.prihod.ru/bibliocat/view/id/32668, доступ от 6.04.2018].

65. Там же.

66. *Степанов А.Ф.* Расстрел по лимиту. С. 86.

Подведем итог. Потерпев неудачу в области полной экспроприации церковной собственности, государство перешло к экономическому удушению духовенства на повседневном уровне. Насколько и эти меры были эффективны? С одной стороны, жесткий экономический курс, направленный на «изживание» духовенства, сопровождаемый физическим уничтожением служителей культа, спровоцировал волну отказов от сана, приведя к заметному сокращению численности священников. С другой стороны, ущемление прав и попытки социального унижения могли приводить к не вполне ожидаемым результатам. Несмотря на почти полную ликвидацию культовых зданий и репрессий в отношении духовных лиц, значительная часть населения не порвала с религией. К сожалению, в нашем распоряжении нет данных, отражающих удельный вес верующих в структуре населения Татарской республики, однако сохранившиеся материалы Всесоюзной переписи населения 1937 г., которая включала вопрос об отношении к религии, явно не свидетельствуют о торжестве атеизма. Из 30 миллионов неграмотных граждан СССР старше 16 лет верующими признали себя 84,5% (свыше 25 миллионов), а из 68,5 миллионов грамотных — 44,5% (свыше 30 миллионов)[67]. Политика социально-экономического давления на духовенство привела к тактической, но отнюдь не к стратегической победе: даже при значительном сокращении численности священнослужители не были вытеснены из социальной структуры общества. Оставшееся духовенство Казанской епархии сумело приспособиться к новым реалиям и сохранить определенное влияние на прихожан. Безусловно, вопрос о характере и степени этого влияния остается весьма дискуссионным. Между тем, сохранение бытовой религиозности населения и возникновение ее новых форм в последующие годы, бесспорно, зависело и от активности остававшегося на службе духовенства, характера его взаимоотношений с властными структурами, что, в свою очередь, ставит новые вопросы перед исследователями.

Библиография / References

Источники

Воспоминания А.А. Крыловой (рукопись на русском языке; место хранения: личный архив В.Н. Мухина).

67. *Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А.* Полвека под грифом «Секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 г. М.: Наука, 1996. С. 98.

Красная Татария № 50 (3930) от 28 февраля 1931 г., № 7 (3583) от 10 января 1930 г.

Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 5852, Ф. Р-1299, Ф. Р-732, Ф. 5263.

Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР. Т. 2: 1929–1939. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1959. С. 29–45.

Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан. Ф. 15.

Литература

Бородкин Л.И., Эртц С. Структура и стимулирование принудительного труда в ГУЛАГе: Норильлаг, конец 30-х — начало 50-х гг. // Экономическая история: Ежегодник. М.: РОССПЭН, 2003. С. 177–233.

Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «Секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 г. М.: Наука, 1996.

Записки казанского протоиерея Бориса Филипповского. Казань: Изд-во КазДС, 2005.

Клеандрова В.М. Из истории взаимоотношений государства и церкви в России // Вопросы научного атеизма. М.: Мысль, 1988. Вып. 37. С. 152–163.

Крапивин М.Ю. Непридуманная церковная история: власть и церковь в Советской России (октябрь 1917 —конец 1930-х гг.). Волгоград: Перемена, 1997.

Кринко Е.Ф. Репрессии «по закону»: лишение избирательных прав советских граждан // Известия Коми научного центра УРО РАН. Сыктывкар, 2011. №3(7). С. 81–85.

Ленин В.И. Социализм и религия / Полн. собр. соч. 1968. Т. 12. М.: Политиздат, С. 142–147.

Липаков Е.В. Архипастыри Казанские 1555–2007 // Храм Илии Пророка [http://www.ilynka.prihod.ru/bibliocat/view/id/32668, доступ от 6.04.2018].

Одинцов М.И. Государство и церковь в России. XX век. М.: Луч, 1994.

Платон (Игумнов), архимандрит. Миссия Церкви в прошлом и настоящем и ее место в гражданском обществе // Миссионерское Обозрение. 1998. № 7. С. 6–10.

Сафонова Е.И., Бородкин Л.И. Мотивация труда на фабрике «Трехгорная мануфактура» в первые годы Советской власти // Историко-экономические исследования. 2002. № 1. С.55–87.

Сталин И.В. Беседа с первой американской рабочей делегацией // Соч. Т. 10. М.: ОГИЗ, 1949. С. 92–148.

Степанов (Русак) В.С. Свидетельство обвинения. М.: Русское книгоиздательское товарищество, 1993.

Степанов А.Ф. Расстрел по лимиту. Казань: Новое Знание, 1999.

Русское Православие: вехи истории / Под. ред. А.И. Калибанова. М.: Политиздат, 1989.

Федорова Н.А. Лишение избирательных прав как инструмент социальной политики // Государственная и муниципальная служба: история и современность (проблемы кадровой политики). Казань: Центр инновационных технологий, 2007. С. 194–203.

Sources

Khronologicheskoe sobranie zakonov, ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta i postanovlenii Pravitel′stva RSFSR. [Chronological collection of laws, decrees of the Presidium

of the Supreme Council and resolutions of the Government of the RSFSR] Vol. 2: 1929–1939. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo iuridicheskoi literatury, pp. 29–45.

Krasnaia Tatariia № 50 (3930) ot 28 fevralia 1931 g., № 7 (3583) ot 10 ianvaria 1930 g.

NA RT (National Archive of Tatar Republic) F. 5852, F. 5263, R-1299, R-732.

Tsentral'nyj gosudarstvennyj arkhiv istoriko-politicheskoj dokumentatsii Respubliki Tatarstan. F. 15.

Vospominaniia A.A. Krylovoi [Russian] (rukopis' na russkom iazyke; mesto khraneniia: lichnyi arkhiv V.N. Mukhina).

Literature

"Zapiski kazanskogo protoiereia Borisa Filippovskogo" (2005) ["Notes of the Kazan archpriest Boris Filippovsky"]. Kazan': Izd-vo KazDS.

Borodkin, L.I., Ertts, S. (2003) "Struktura i stimulirovanie prinuditel'nogo truda v GULAGe: Noril'lag, konets 30-kh — nachalo 50-kh gg." [Structure and stimulation of forced labor in the Gulag: Norillag, late 30's — early 50's.], *Ekonomicheskaia istoriia: Ezhegodnik*, pp. 177–233. M.: ROSSPEN.

Fedorova, N.A. (2007) "Lishenie izbiratel'nykh prav kak instrument sotsial'noi politiki" [Deprivation of electoral rights as an instrument of social policy], *Gosudarstvennaia i munitsipal'naia sluzhba: istoria i sovremennost' (problemy kadrovoi politiki)*, pp. 194–203. Kazan': Tsentr innovatsionnykh tekhnologii.

Kalibanov, A.I. (ed.) (1989) *Russkoe Pravoslavie: vekhi istorii* [Russian Orthodoxy: Milestones of History]. M.: Politizdat.

Kleandrova, V.M. (1988) "Iz istorii vzaimootnoshenii gosudarstva i tserkvi v Rossii" ["From the history of the relationship between state and church in Russia"], *Voprosy nauchnogo ateizma* 37: 152–163.

Krapivin, M.Iu. (1997) *Nepridumannaia tserkovnaia istoriia: vlast' i tserkov' v Sovetskoi Rossii (oktiabr' 1917 — konets 1930-kh gg.)* [Unexpected church history: power and church in Soviet Russia (October 1917 — late 1930's)]. Volgograd: Peremena.

Krinko, E.F. (2011) "Repressii «po zakonu": lishenie izbiratel'nykh prav sovetskikh grazhdan" ["Repression "by law": deprivation of the voting rights of Soviet citizens"], *Izvestiia Komi nauchnogo tsentra URO RAN* 3(7): 81–85.

Lenin, V.I. (1968) "Sotsializm i religiia" ["Socialism and religion"], *Poln. sobr. soch. Vol. 12*, pp. 142–147. M.: Politizdat.

Lipakov, E.V. "Arkhipastyri Kazanskie 1555–2007" ["Archpastors of Kazan 1555–2007"] // Xram Ilii Proroka [http://www.ilynka.prihod.ru/bibliocat/view/id/32668, accessed on 6.04.2018].

Luukkanen, A. (1997) *The Religious Policy of the Stalinist State: A Case Study; The Central Standing Commission on Religious Questions, 1929–1938*. Helsinki: Suomen Historiallinen Seura.

Odintsov, M.I. (1994) *Gosudarstvo i tserkov' v Rossii. XX vek* ["The state and the church in Russia. XX century"]. M.: Luch.

Peris, D. (1998) *Storming the heavens: The Soviet League of the Militant Godless*. N.-Y.: Cornel University Press.

Platon (Igumnov), arkhimandrit. (1998) "Missiia TSerkvi v proshlom i nastoiashchem i ee mesto v grazhdanskom obshchestve" [The mission of the Church in the past and present and its place in civil society], *Missionerskoe Obozrenie* 7: 6–10.

Safonova, E.I., Borodkin, L.I. (2002) "Motivatsiia truda na fabrike "Trekhgornaia manufaktura" v pervye gody Sovetskoi vlasti" [Motivation of labor in the factory "Trehgor-

naya manufactory" in the first years of Soviet power], *Istoriko-ėkonomicheskie issledovaniia* 1: 55–87.

Stalin, I.V. (1949) "Beseda s pervoi amerikanskoi rabochei delegatsiei" [Interview with the first American working delegation], *Soch. Vol. 10*, pp. 92–148. M.: OGIZ.

Stepanov (Rusak). V.S. (1993) *Svidetel'stvo obvineniia* [Evidence of prosecution]. M.: Russkoe knigoizdatel'skoe tovarishchestvo.

Stepanov, A.F. (1999) *Rasstrel po limitu* [Shooting at the limit]. Kazan′: Novoe Znanie.

Zhiromskaia, V.B., Kiselev, I.N., Poliakov, Iu.A. (1996) *Polveka pod grifom "Sekretno": Vsesoiuznaia perepis' naseleniia 1937 g.* [Half a century under the stamp "Secret": All-Union Population Census of 1937]. M.: Nauka.